

«Вещи зримые суть символы вещей незримых» — это утверждение Св. Дионисия Ареопагита представляет собой абсолютный императив для каждого человека Традиции. Исходя из такого отношения к реальности мы прямо-таки обязаны осознать, что любое природное явление есть символ метафизической реальности (вернее сверх-реальности), символ, который предметно содержит символизируемое, но не отождествляется с ним.

В этой оптике феномен Грозы обладает особым символизмом – он полнее и сильнее всего выражает сверх-реальность Бога, его запредельность и высшую неоднозначность. Таким символизмом не обладает физический, солнечный свет, который многие эзотерические символисты склонны считать наипервейшим образом Божественной благодати и могущества. Дело в том, что Свет, несмотря на всю свою символическую мощь, является противоположностью Тьмы, тогда как истинное могущество, пользуясь словами Эволы находится не «напротив», а «над». Поэтому основным символом Божества (естественно, применительно к области природных явлений) следует считать то природное действие, которое превосходило бы и Свет, и Тьму, соединяя их, в то же время, в некоем диалектическом синтезе. Многим покажется «еретическим» и даже «сатанинским» рассуждение о положительном значении Тьмы, тем более, что речь идет о символе Бога, следовательно, в рамках такого подхода, Тьма должна содержаться в Нем также, как и Свет. Вместе с тем, православные богословы писали не только о Свете Божества («Свете Фаворском»), но и «Божественном мраке» или «тьме, превышающей свет» (особенно часто данный образ встречается в писаниях Св. Дионисия Ареопагита и Св. Григория Нисского). Под этой Тьмой они подразумевали сущность («усию») Бога, некую непознаваемую его сторону, «интимно» закрытую для созерцателей Божественного. Она «темна» и «мрачна» именно в силу своей закрытости, но она же и «выходит из себя» посредством Света – творящих Божественных энергий («идей-волений», «мыслей», «логосов»), которые уже поддаются сверх-чувственному познанию и созерцанию. Более того, здесь мы имеем дело с познанием в высшей степени реальным и предметным, познанием, предполагающим соединение с Божеством и обретения статуса «бога по благодати» или «бога по усыновлению».

Если бы Бог был только Светом, то познающий Его и соединяющийся с Ним человек просто-напросто растворился бы в безбрежном океане Абсолютного, потеряв свою самость и обесценив бы тем самым свое сотворение. Поэтому в Боге есть и «темная» сторона, недоступная духовному взору мистика.

Конечно, говоря о положительном значении над-физической Тьмы мы ни в коем случае не отождествляем ее с Тьмой под-физической, именуемой в Традиции «тьмой внешней». Последняя есть регион небытия, крайняя периферия тварных миров, характеризующаяся «истощением» всего созданного. Она, непознаваемая в силу своей «ничтожности», является как бы пародией на высшую и спасительную непознаваемость Божественной Тьмы. И точно также есть пародия на высший Божественный Свет. Под ней мы подразумеваем ложный, обольстительный «свет», в котором любят появляться демоны, выдающие себя за светлых ангелов Божиих (православные аскеты выработали богатейшую практику различения истинного и ложного света).

Исходя из всего сказанного можно сделать вывод о том, что Гроза как раз и есть тот самый феномен природы, который соединяет в себе и символизм Света и символизм Тьмы. Действительно, освещающий и разящий луч молнии исходит именно из небесного мрака туч подобно тому, как Свет Божества исходит (равночестно от Трех Ипостасей) из Его Мрака. Причем Божественный Свет не только творит, поддерживает и направляет, но и карает (Св. Григорий Богослов писал: «Огнем явится Он к тому, кто не признал его как Свет»).

Отметим, что Гроза вообще обладает своего рода универсальным символизмом. Помимо Света и Тьмы, она еще соединяет Огонь и Воду, то есть два наиболее противоположных космических элемента. При этом, во время Грозы, тучи разносятся ветром (элемент Воздуха) и оплодотворяют почву (элемент Земли). Таким образом налицо универсальное соединение всех четырех стихий в феномене Грозы, который опять же символизирует собой Божество, все в Себя объединяющее и все Собой направляющее.

Теперь попробуем переместить символизм Грозы в плоскость русской национальной метафизики. Внимательное рассмотрение нашей истории убеждает в том, что русские – нация Грозы, что они вмещают всю полноту данного символа.

Основы нашего национального характера сложились еще в языческий период, и надо заметить, они вполне соответствовали радикальному «эсхатологизму» победившего позднее христианства, которое устремлено к Огненному преображению мира и которое жаждет скачка в Царство Света. Христианин смотрит на Бога, как на Грозу и его взору представляется такая картина: из Высшей Тьмы (закрытой от взоров людских) бьет разящая и освещающая Молния Высшего Света, звучат Громовые Глаголы, льется оплодотворяющий Дождь. Для него Божество и темно, и светло, оно дарит свой Свет, но сохраняет в Высшей Тьме свою сущность и свое Я – тем самым сохраняя сущность и Я человека. Христианство радикально и бескомпромиссно отстаивает идею

«предметного» и «вещного» соединения с Богом при сохранении личности человека. Оно дистанцируется и от креационистов, резко отделяющих Творца от творения, и от манифестационалистов, их отождествляющих. Христианство – это и горячая вера в Бога, и героическая, арийская по сути, защита свободы воли, личности. Не безликого индивидуума буржуазной цивилизации с его жалкими «правами», а именно личности – образа и подобия Божьего, того, кто должен соделаться богом (по усыновлению), подобно тому как Бог соделалася человеком (Св. Афанасий Александрийский). Сущность человека и сущность Бога («тьма превышающая свет») сохраняют здесь суверенитет, хотя и соединены в личности Спасителя («неразрывно и неслиянно»).

В славянском язычестве символизм Грозы более натуралистичен и в силу этого менее возвышен. Однако, из всех других версий язычества «славизм» дальше всех проник к архетипическим глубинам Грозы. Исследователи индоевропейской мифологии пришли к выводу о существовании ее «основного», грозового Мифа, повествующего о схватке Бога-Громовержца и Его Противника – змеевидного бога подземелий. Громовержец персонифицирует в системе данного Мифа разрушение, преодоление, снятие ветхого мира, Огненное его преобразование. Противник же персонифицирует начало сохранения этого мира. Во время схватки Громовержец освобождает похищенные Противником воды и скот, которые символизируют хаос и души людей. Ветхость мира гибнет в буйстве огня и воды, а освобожденные души людей устремляются из подземной Нави, из царства теней к высшим небесам, к Богу. Гроза рассматривалась древними арийцами именно как образ (вернее прообраз) последней эсхатологической Битвы, которая окончится большим скачком из царства тлена в царство бессмертия. И у славян, как уверяют исследователи, этот Миф сохранился более всего – несмотря на то даже, что дошел он, по преимуществу, в фольклоре, а не в «классической» мифологии.

Кроме того, славянское язычество знало двух Громовержцев, считая одного из них — Рода – Творцом и Единым Богом (все другие боги были лишь его эманациями), а другого – Перуна – Небесным Воителем. В фольклоре содержится рассказ о противостоянии Творца-Громовержца с Чернобогом, в нем непосредственное сражение с силами зла поручено заоблачному полководцу – второму «громовику», которого первый создает ударом палицы о небесный камень. Тут весьма любопытна параллель с христианством, где непосредственным противником сатаны выступает архистратиг Михаил Архангел. Христианство всегда возражало против «манихейского» уравнивания Бога и дьявола, добра и зла — борьбу с павшим духом должен вести тоже дух, только благой. Примерно также обстояли дела и в славянском язычестве, отказавшимся уравнивать Творца и злое «божество», борьбу с которым вел Перун, бывший эманацией Рода – первой, главной (в фольклоре он «проявляется» прежде всех иных «младших» богов), но все же эманацией. Перун занимает основное место в славянской Троице (Сварог – Велес – Перун). Если Сварог-Кузнец, то есть «демиург», персонифицирует творящее начало, а Велес – сохраняющее, то второй Громовержец завершает становление мира, переводя его в Иное, Световое состояние посредством своего преобразующего Огня. Вот почему

почитание двух Громовиков прямо указывает на поразительный «архаизм» славяно-русского язычества, на максимальную его близость к изначальному гиперборейскому культу христианства (арктической религии Христа), которое предшествовало паганизации (заклучавшейся, прежде всего, в обожествлении природы, т. е. в абсолютизации сохраняющего начала) северной расы.

В других арийских традициях грозовой эсхатологизм выражен гораздо слабее.

Ближе всего, в этом плане, к славянам стоят балты, «основной миф» у них сохранился великолепно (многие исследователи полагают, что славяне сыграли огромную роль в этногенезе балтов). Однако, в балтской традиции нет культа первого громовика Рода, здесь присутствует один лишь Перун – Перкунас, Перкунс. Очевидно, гиперборейское эсхатологическое знание сохранилось у балтов только на втором, низшем уровне.

О двух Громовержцах отлично знали индоарии – у них они назывались Рудрой (Шивой) и Индрой. «Основной миф» в индоарийской традиции сохранился неплохо, но все же не так полно, как у славян и балтов – Громовержец-Индра здесь борется всего лишь с демоном Валу, похитившим скот и людей. Идея диалектического противостояния двух Божественных начал в индийской мифологии подменяется борьбой злых и добрых сил. А между тем, изначальная северная традиция не выступала против сохраняющего начала, она акцентировала внимание на его исчерпанность в конце времен, на приоритет эсхатологии перед, условно говоря, космологией. Зло начинается тогда, когда происходит абсолютизация последней в ущерб первой.

Еще хуже обстоят дела с «верховничеством» Рода-Рудры. Его роль в индоарийской мифологии, конечно, огромна, но, в большинстве случаев он уступает место Индре, Варуне, Вишну, Брахме. Только в шиваизме его первенство обозначено вполне четко и однозначно, что свидетельствует о наибольшей близости этого направления к полярной, нордической основе арийства.

Таким образом индоарийская традиция демонстрирует значительное искажение гиперборейской архетипической теогонии.

У соседних индоарийцам иранцев грозовой символизм сводится к возвеличиванию Огня

и Света, однако, сама Гроза и грозовые божества присутствуют мало. Верховный бог Ахура-Мазда все-таки больше световое божество, которое, в огромном количестве случаев, уравнивается со злым духом Ангро-Манью. В мифологии зерванистов (по всем признакам более древней, чем мифология зороастрийцев) и Ахура-Мазда, и Ангро-Манью вообще считаются сыновьями-близнецами Бога Времени Зервана, то есть принадлежат ко второму поколению богов. Кстати заглянув в этимологические словари любой может убедиться в том, что одним из значений слова «род» является «время»: «По летех и по роде мнозе взниче Моисии...», «Иногда убо бысть в прежнем роде во Иерусалимских странах...», и т. д. (Словарь русского языка XI – XVII вв. // Под ред. Г. А. Богатовой. М., 1997. С. 182)

Время понималось древними не как смена прошлого, настоящего и будущего, а как отрицание Настоящим (то есть Истинным, Бытийным) небытийного – прошедшего (того чего уже нет), и будущего (того, чего еще нет). Все процессы и явления, все предметы пожираются Временем, переводятся из будущего в прошлое, и по-настоящему реален лишь неуловимый миг Вечного Настоящего, которое и есть «самое само» любой «вещи», тот Исток из коего оно возникло. Показателен образ Сатурна-Кроноса, пожирающего своих детей. Если отвлечься от мифологического натурализма, смущающего современных наблюдателей своей «кровожадностью», перед нами окажется картина типичной Богореализации (соединения с Абсолютом): порожденные божеством Времени возвращаются к своему Истоку. Не случайно, к слову сказать, православные богословы именовали время «движущейся вечностью».

Тут необходимо подробнее охарактеризовать (на предмет грозового символизма) уже затронутую нами античную традицию. В ней наличествуют ярчайшие образцы Громовержцев – Зевса и Юпитера, верховных богов греческого и римского пантеонов. Но сразу бросается в глаза то, что тот же Зевс является младшим богом третьего поколения. А старший бог Уран и его сын Кронос не наделены никакими грозовыми функциями, тогда как по простейшей логике иметь ее должны. Это косвенно подтверждается и тем, что имя «Зевс» («Диус») означает «светлое небо» (восходя к праиндоевропейскому «deiuo» — «дневное сияющее небо») и больше подходит к старшему божеству, персонифицирующему Небо. Складывается впечатление, что «младший» Зевс присвоил себе имя «старшего» Урана.

Столь же «детективная» история произошла и с Кроносом, богом Времени (ср. «род» – «время»), который также, как и славянский Род был еще и богом плодородия и изобилия. Сверх того, Кронос считался царем Золотого Века, что опять-таки указывает на его изначальность. Но и Кронос чужд грозового символизма. В то же время есть некие глухие намеки на то, что он обладал громовыми функциями. Его аналоги – римский Сатурн и этрусский Сатре (тоже царь Золотого Века) носят имя, связанное с

грозовой терминологией. Оно близко к славяно-русскому «стри»—«стре», означающему «стрелу-молнию» (русское «стрела» в значении «молния», словен. «strela» — «стрела», «молния»; «strela» в том же значении). Здесь также имеет место быть близость к имени древнерусского языческого бога Стрибога, которое многие исследователи (например, академик Б. Рыбаков) считают одним из имен Рода.

Складывается впечатление, что некогда единый греческий Громовержец-Верховник был «расщеплен» на два божества (Урана и Кроноса), при этом лишившись своих грозных функций, которые «узурпировал» (вместе с именем) второй Громовержец. Вывод из этого может быть только один, несмотря на яркость мифологических образов, античная традиция подверглась сильнейшим искажениям.

Эти же искажения прослеживаются и на примере скандинавской мифологии, повествующей лишь об одном Громовержце – Торе (аналоге нашего Перуна). Основной миф у скандинавов расщеплен на два самостоятельных сюжета. Один из них рассказывает о схватке Тора с мировым змеем Ермунгандом, находящимся в океане. Это противостояние напоминает о змеевидной форме Велеса, но очевидно, что в данном случае все опять сведено к битве с инферно. Второй «сюжет» — соперничество Тора и Одина, которого можно считать аналогом Велеса. Как и жреческий бог Велес, Один предстает божественным магом, шаманом. Подобно римскому Меркурию (чьё тождество с Велесом очевидно) Одину посвящен вторник. И также, как и Велесу Одину (в лице континентально-германского Вотана) оставлялся пучок хлебных колосьев. Тем не менее, в скандинавской среде на образ бога-жреца наложился образ бога-воина, и Один выступает в качестве покровителя кшатриев, тем самым «узурпировав» функции Громовержца-Тора.

В мире скандинавских мифов, впрочем, обитает и аналог Рода – Фрейр. Как и Род он связан с плодородием и рождением вообще – сама за себя говорит его фаллическая форма (ее же имели Род и Рудра – Шива-лингам). Кроме того, Фрейр связан с изначальной, полярно-героической тематикой. Он является владельцем чудесного вепря Гуллинбурсти, а вепрь – символическое животное Гипербореи, которая еще известна, как Вара и Вараха («Земля Кабана»). Рудра-Шива зовется в индо-арийской традиции «красным вепрем небес» и вдобавок ко всему еще и четко ориентирован на Север. Но при всем при том Фрейр лишен каких-либо грозных функций. Не следует забывать о том, что Фрейр принадлежит к божественному клану ванов, которые изображены пришельцами, чужаками, некогда воевавшими с кланом асов. Здесь можно увидеть наложение на миф этногенетических реалий. Имя «ван» указывает на этноним «венеты-венеды» — характерно, что арабы называли земли венетов-вятичей «землей Вантит». Скорее всего, в древности имела место миграция части праславян-венетов в Скандинавию: этими-то венетами-ванами и был усилен культ Фрейра, занявшего

третьего место в скандинавской иерархии божеств, однако, лишившегося своих грозных качеств.

Так что именно праславяне, русы полнее всего выразили сверх-значимый архетип Грозы. Даже и само имя «рус» этимологически связано с грозовой, небесно-огненной тематикой. «Русские» значит «красные» (точнее – «темно-красные»), «огненные». В словаре А. Г. Преображенского «рус(ъ) («руса», «русо», «русый») означает «темнорыжий», «коричневатый» (о волосах). Ему соответствуют укр. «русый», бел. и серб. «рус», словац. «rus», «rosa», «rusa glava», чеш. «rusu». М. Фасмер приводит словен. «rus» в значении «красный». О «красном» значении слова «русь» сообщал в своем словаре И. И. Срезневский. Связь слов «рус» и «красный» прослеживается и вне славянских языков, указывая на индлевропейские истоки данного феномена. Пример – латыш. «russys» («кроваво-красный»), «rusa» («ржавчина»), лит. «rusvas» («темнокрасный»), латин. «russeus», «russys» («красный», «рыжий»).

И при всем при том имя «рус» следует поставить в один ряд со словами «родрый» («красный»), «рдеть» («краснеть»), «рудый» («рыжий», «красный»), «руда» (диалектное обозначение крови) – «родриа» («молния») – «род» (словом, имеющим около двух десятков значений, среди которых есть и «огненные»). Далее (от слов с корнями «рус-рос» и «руд-род») надо провести цепочку к словам «рота» и «ряд», чьи значения сводятся к теме «порядка», «упорядочения». Так, слова «рота» означало «клятву», «договор», ну а «ряд», как очевидно любому и сразу, означал «порядок». Основа «р-та» («р-д») позволяет сопоставить соответствующую славяно-русскую терминологию с индоевропейской. Здесь нужно вспомнить об индоарийском слове «рита» (ср. с «рота»), употребляющимся для обозначения универсального космического Закона, а также с древнеиранским «арта» (замена «ар» — «ра»), которое употреблялось в том же значении.

Последнее слово немедленно заставляет вспомнить об артеле, представлявшей собой хозяйственное объединение на основе корпоративного договора.

Арабские авторы говорили о наличии трех территорий расселения восточных славян – Куяве (Киевской земле), Славии (Новгородско-Ладужской земле) и Артании. Последнюю многие исследователи отождествляют со знаменитым «островом русов», являвшимся крупнейшей военно-морской базой Древней Руси. Мне уже приходилось (в работах «Русы – люди меча» и «Древние русы – народ и каста») отстаивать точку зрения, согласно которой, этноним «рус» произошел от названия особой воинской («казачьей») касты, этимологически связанного с красным цветом – цветом воинов, бояр, князей. Этот

цвет выражал и кровь, пролитую в боях, и небесный разящий огонь (ср. «рус» и «руд»: слово «руда» в некоторых русских диалектах обозначала кровь). В «Русской правде» «русины» характеризовались именно как социальная группа, «дружинно-торговый класс» (по выражению Г. Лебедева). Таковой же они предстают в арабских текстах. Очевидно выходцы с острова русов и дали свое имя державе полян, которая приблизительно в середине 1 тыс. н. э. стала «Киевской Русью» («поляне, ныне зовомые русь»). В этом случае приведенное выше предположение о тождестве слов «род», «ряд», «рота» и «арта» получает еще один аргумент «за».

Необходимо еще и вспомнить о том, что русы (росы) именовались также «рутенами» и «ротальцами», а Никоновская летопись дает совсем оригинальную форму интересующего нас этнонима – «родии».

В принципе можно выделить два основных значения «русской» этимологии – одно связано с Грозой, другое – с Порядком. Вместе же эти два значения восходят (и в этимологическом, и смысловом планах) к одному и тому же религиозному истоку, что неудивительно, ведь славяне представляли Абсолют, Единого Бога как Громовержца. Следовательно и космический Порядок (и порядок «вообще») также отождествлялся ими с Грозой. Поэтому русских можно с полным основанием назвать нацией Грозы, родом воинов-кшатриев («красных»), этносом Порядка. Русские – люди Огня, Грома, Молнии, Меча, Клятвы. Они избранники Божьи, максимально уподобившиеся Его природному символу, указывающему на просветляющий и карающий лики Божества, несущего огненное разрушение во имя светового порядка.

Этот символизм русской нации ничуть не исчез после христианизации, просто он очистился от всего паганистского, слишком натуралистического. Уже в Христовой Руси крупнейшее развитие получил «культ» святого пророка Илии Фесвитянина, как бы заменившего собой Перуна. Русские представляли Илию небесным воином, мчавшимся по небу на огненной колеснице и сражающегося посредством молний с бесчисленными легионами демонов (напомним, что именно вокруг собора св. Илии группировалась одна из первых русских христианских общин, ядром которой были воины-варяги).

Такое почитание крайне показательно. Илия – сверх-значимая в христианской мистике фигура. Прежде всего, это образец консервативного революционера, воинствующего фундаменталиста. В древнем Израиле им было поднято духовное и политическое восстание против жрецов Ваала, сумевших привлечь на свою сторону царя Ахава. В ходе этого восстания Илия воинствует как Духом, так и Мечом (во втором случае он лично убивает четыреста пятьдесят жрецов) (1). Он использует свою силу чудодеев и

демонстрирует власть над водами, чрезвычайно напоминая при этом индоевропейского Громовержца. Потрясает, что оккультно-метафизический «противник» Илии Ваал своим именем напоминает о Велесе (Вал-Вел). Имя этих двух божеств погружается в глубины древности, и, в конечном счете, восходит к прандоевропейскому «uel». (2)

Близость представляется еще большей, когда задумаешься над образом Елисея, чье имя также указывает на имя Противника: достаточно сравнить «Елисей» и «uel» (Кстати, подобно Велесу, Елисей имеет в качестве «сопутствующего», «символического» животного медведя, что прослеживается в сюжете о двух медведицах, отомстивших за пророка). И если Ваал и его служители символизируют негативную сторону Противника, сохраняющего ветхий мир и препятствующего огненному его преображению, то Елисей, напротив, символизирует благую сторону, противостоящую хаосу и сдерживающую буйство вод – до поры до времени.

Возвращаясь к образу св. Илии отметим, что его почитание русскими христианами лишний раз свидетельствует о сакральном максимализме и эсхатологической миссии России, о ее экстремальной приближенности к страшному и прекрасному эсхатологизму Грозы. Как и пророк-революционер Илия, русские станут в авангарде сил Грозы, противостоящих дьяволочеловечеству Антихриста.

В русской мифологии и истории (а очень часто они мистическим образом сливаются воедино) встречаются фигуры, которые «воспроизводят» архетип двух громовержцев – языческого и христианского. Такой фигурой был, например, св. Илья Муромец – реальная, «историческая» фигура, известная именно по былинным мифам. Исследователи согласно утверждают, что образ муромского богатыря чрезвычайно близок к образу Перуна и образу пророка Илии. Последнее даже более интересно. Сразу обращает на себя внимание революционность Муромца, хранящего верность православию, но в то же время громящего церкви во главе «голей кабацких» и часто возражающего князю. Здесь отчетливо виден «священный бунт» против теплохладности и фарисейства основной массы «верующих», которых надо встряхивать «Божественной провокацией», героическим юродством. В данном случае Илья Муромский крайне близок к ветхозаветному максималисту Илье Фесвитянину.

Иван Грозный тоже являет собой образ громовержца, что видно хотя бы из его имени. Как и Фесвитянин, он уничтожает врагов Веры в огромном множестве, как и Муромец, он восстает против теплохладности боярских «радетелей старины» и практикует юродство. Иоанн Васильевич лично написал «Канон Ангелу Грозному», в котором он прославляет архангела Михаила, ведущего огненную войну с сатаной. В деятельности

Грозного Царя отчетливо прослеживается грозовой, огненный эсхатологизм (см. Елисеев А. В. Опричная эсхатология Грозного Царя// «Царский опричник», № 19).

Архетип ветхозаветного революционера также воспроизводится в фигуре Императора Петра Великого. Это тонко подмечено исследователем-метафизиком Георгием Павловичем. «В определенном смысле, — отмечает он, — символика Ильи-пророка (равно как и Перуна-императора) отражена в знаменитом Медном всаднике, подножием которого служит «гром-камень»...» камень действительно является именно громовым символом, что, сразу же обращает внимание на имя – «Петр» («камень»).

И уже на архетип Илии Муромца прямо указывает «корабельная символика» Петербурга. В русских былинах великий богатырь изображен еще и великим мореплавателем. Одна из них («Илья муромец с Добрыней на Соколе-корабле») повествует о том, как Илья плавает (в качестве хозяина) на гигантском корабле, на котором находятся «три церкви соборные..., ...три монастыря, три почесные...». Ясно, что былина доносит до нас образ корабля-церкви, корабля-города, корабля-острова, сохраняющего Традицию и Порядок посреди вод inferнального хаоса. Таким же городом и является Петербург, основанный Великим Петром как гиперборейский, северный центр, грозно стоящий на защите Святой Империи.

Итак, мы – русские, мы – народ Грозы. И русским националистам нельзя забывать об этом ни на секунду. Им надо слиться со своей родной стихией, стихией победы. Без нее нам не победить.

Стихия Грозы – это стихия воли, героизма, крови, она отрицает всю эту пошлость века сего. Наши претензии к нашим противникам, в конечном итоге, есть претензии к их метафизической сути. В жилах этих людей течет лишь подобие крови, на самом деле там плещется чуть солоноватая водичка, тепленькая водичка. У нас разные стихии, мы живем в разных вселенных. Их, внешняя вселенная – ужасающая коперникова пустота, в которой все механистично, скучно, буржуазно, где все ожидает ото всего лишь выгоды и взаимобмена. Наша, внутренняя вселенная – это огненная стихия вечного стремления к иным мирам – она наполнена небывалым напряжением мысли и действия, она в конечном итоге бескорыстна и любит дарить – любовь и ненависть, жизнь и смерть. Компромисс между этими двумя мирами невозможен, они даже не «как два различных полюса... у одной земли», они два полюса — бытия и небытия.

Мы знаем – неизбежна гибель старого, ветхого, греховного мира во вселенском вихре эсхатологического Огня, преображающего прежнюю суть и приобщающего ее к Божественному величию. Это один мир Божественной силой уничтожит другой, после чего, как предсказывает нам Святой Апостол Иоанн Богослов больше не будет моря (воды), а будет лишь «новое небо и новая земля». Но еще и до этого будет последняя схватка: людей с горячей, горящей, огненной чистой Кровью с теми людьми, в которых булькает грязная, тепленькая водичка. И пусть за ними будут армады зомби и биороботов, пусть помогают им силы Подземелья – за нами ОГНЕННАЯ ПРАВДА!

Грядет новая и последняя революция, революции Огня, революции Крови. Так встанем же под огненные, кровавые знамена с обережным знаком черного креста. Встанем за свой за свой Род.

(1) Взятый на небо живым (наивысшая степень инициации в дохристианский период) Илия ждет конца времен, чтобы вернуться в мир и снова выступить в качестве консервативного революционера. Вместе с Енохом он будет обличать пришедшего в мир Антихриста и примет мученическую, героическую смерть от «сына погибели».

(2) И в то же время, чуждый иудеям Ваал, на своей «родной», западносемитской почве выступает как Громовержец. Получается, что попав в ветхозаветный Израиль западносемитский громовик обретает черты противника Громовержца, как бы сближая библейскую мифологию с индоевропейской. Иначе говоря, Ваал, считающийся в западносемитской среде грозовым божеством, в среде ветхозаветной таковым не считался – так же, как не считался он таковым и среде индоевропейской. Это еще раз заставляет задуматься над сходством многих сюжетов Ветхого завета и арийской дохристианской мифологии.

(3) В былинном эпосе юродивый Илья Муромец изображен еще и богатырем-каликкой, что указывает на его участие в древнерусском ордене «калик переходящих» (см. Елисеев А. В. Орден богатырей святорусских. // «Царский опричник», № 12). Весьма любопытную трактовку образа Илии дал А. Г. Дугин: «... Важно отметить... чисто гиперборейские детали сюжета об Илье Муромце: во-первых, само его имя может быть архаическим субститутутом «бога» Ила из примордиального центра Мо-уру (о коем сказано в «Авесте» — А. Е.). Во-вторых, легенда подчеркивает, что родился богатырь в селе Карачарове,

что странным образом напоминает нам буддистскую «Калачакру» — учение о «цикле» и «спасении». В-третьих, важно упоминание, что герой до 30 лет «сидел сиднем», что может символизировать неподвижность Полюса. Таким образом, некогда неподвижный полярный илья муромец («Ил из Мо-уру»), пребывающий в Карачарове («Кала-чакре – дословно «Колесо времени»), решает покинуть свою центральную позицию (русский город Муром действительно находится в средней части нашего Русского круга) и отправиться на Юг («проявиться, вступить в сферу изменения»), где он побеждает Змея (иногда Соловья-Разбойника, убивающего свистом) – Хаос и устанавливает (восстанавливает) сакральный порядок – Весну и Лето.» («Мистерии Евразии»)